

Валерия Прищепова

Этнографический альбом художника А. Померанцева

Иллюстративный фонд по народам Средней Азии и Казахстана Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН) формировался на протяжении более полутора веков. Первые иллюстративные коллекции поступали в музей разными путями. Иногда это были случайные приобретения, часть коллекций была подарена частными лицами и учреждениями, более поздние — привезены из экспедиций, некоторые музей покупал.

В 1947 г. МАЭ купил альбом акварельных рисунков в Ленинградском отделении магазина «Академкнига» за 800 руб. Проследить историю создания этих замечательно выполненных и случайно приобретенных музеем акварелей теперь уже невозможно. На первом рисунке альбома указаны фамилия автора: «А. Померанцев» и время его создания: «1851 год». Листы акварелей (размер листов ватмана 31×23 см) переплетены в альбом, который имеет твердую обложку вишневого цвета [МАЭ РАН. Колл. И-1415]. В 1952 г. сотрудница музея Е.П. Николаичева составила краткую опись коллекции, в которой обозначила ее территориальную принадлежность: «по Монголии и Средней Азии».

Валерия Александровна Прищепова
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
vapr@kunstkamera.ru

По количеству изображений альбом А. Померанцева небольшой, в нем содержится всего девять рисунков, в том числе портреты казахов и киргизов. Акварели А. Померанцева из фондов МАЭ отличаются тщательно выписанными деталями нарядной и пышной одежды, старинных головных уборов, в которых изображены представители казахской и киргизской родовой знати. При сравнении цветных рисунков с черно-белыми фотографиями иллюстративного фонда музея, которые относятся к более позднему времени, становится очевидно, что произведения художника являются ярким и неповторимым источником для изучения мужского и женского костюмов, головных уборов и ювелирных украшений середины XIX в.

К сожалению, имя А. Померанцева отсутствует в справочных изданиях, посвященных выпускникам Академии художеств и истории отечественного изобразительного искусства. Пришлось расширить поиски сведений об этом художнике и обратиться к литературе, опубликованной его современниками о казахах и киргизах, в том числе к собранию сочинений Ч.Ч. Валиханова, который был современником А. Померанцева. Действительно, упоминание об этом художнике, правда, без указания инициалов, встретилось при более детальном изучении биографических сведений о Ч.Ч. Валиханове.

В процессе штудирования художественного наследия выдающегося казахского ученого некоторые из опубликованных рисунков Ч.Ч. Валиханова показались знакомыми и напомнили три акварельных портрета из альбома А. Померанцева: «Дико-каменной орды Манап Байназар Турумтаев», «Дико-каменной орды Бий Сартай (посольс. 1849 года)» и «Большой орды Султан Мамыр-хан Рустемов».

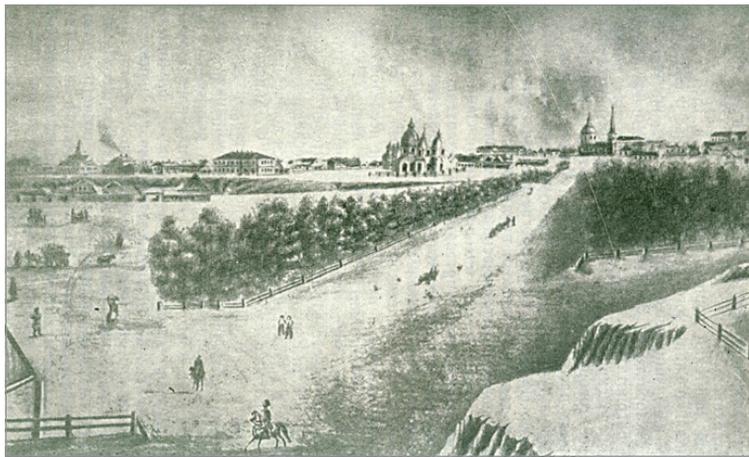
Обратимся к некоторым эпизодам жизни юного Ч.Ч. Валиханова в период его обучения в Омске. По воспоминаниям Г.Н. Потанина, известного исследователя Центральной Азии¹, при зачислении Валиханова в Кадетский корпус сразу обнаружили редкие дарования «киргизского мальчика» (киргизами в то время называли казахов, а киргизов — каракиргизами или дикокаменными киргизами), который выделялся среди своих сверстников. Образованное общество Омска заинтересовалось им и сочло своим долгом оказывать кадету покровительство. По выходным и в праздники многие приглашали его домой, в том числе и учителя корпуса.

В Омске существовал литературный салон — в доме одного из видных чиновников, управляющего Главного управления

¹ И товарища будущего выдающегося ученого по Сибирскому кадетскому корпусу, который одним из первых написал воспоминания об их учебе в Омске.

Западной Сибири Якова Федоровича Капустина. По словам Г.Н. Потанина, в гостиную жены управляющего (родной сестры Д.И. Менделеева) Екатерины Ивановны собиралась избранная омская интеллигенция, «молодые люди со вкусом к литературе и искусству». Это были офицеры Генерального штаба, чиновники Главного управления, окончившие высшую школу, друзья сына Капустиных, в том числе Ч.Ч. Валиханов, художники, и среди них офицер Генерального штаба А. Померанцев [Потанин 1968а: 311; 1968б: 651; 1968в: 571].

По всей видимости, мастерство и популярность А. Померанцева выходили за пределы Кадетского корпуса Омска, в котором он преподавал рисование. Генерал-губернатор Западной Сибири и член Государственного совета Густав Христианович Гасфорт (1790–1879), под начальством которого Ч.Ч. Валиханов позже прослужил около пяти лет, обратил внимание на художественный талант А. Померанцева и заказывал ему портреты и картины [Маргулан 1972: 9]. Одна из работ полковника и художника А. Померанцева периода учебы Ч.Ч. Валиханова в кадетском корпусе в 1847–1853 гг. «Вид города Омска» (1850 г.) опубликована, но без указания места, где она хранится.

Ил. 1. А. Померанцев. Вид города Омска. 1850 г.
[Валиханов 1961б, I: 29]

Друзья и знакомые Ч.Ч. Валиханова отмечали, что одним из его детских увлечений было рисование, которому он сначала учился у русских художников-топографов и геодезистов, подолгу проживавших в Кушмурунской крепости в семье Валихановых [Маргулан 1961: 26]. По словам Г.Н. Потанина, Ч.Ч. Валиханов «нашел покровительство в лице Померанцева. Это был молодой, веселый и беззаботный офицер Генерального штаба, бывший нашим учителем рисования. Квартира его

была настоящая мастерская художника; да и сам хозяин был художественная, симпатичная натура. Он резвился и шалил с приходившими к нему кадетами, как будто сам был ребенком» [Потанин 1968а: 310]. Исследователи графического наследия Ч.Ч. Валиханова отмечают, что одна из его ранних работ — этюд «У верстового столба» — была написана в пятнадцатилетнем возрасте по заданию А. Померанцева [Маргулан 1972: 12].

Академик А.Х. Маргулан, осуществивший в советские годы издания собраний сочинений Ч.Ч. Валиханова, считал, что общение с А. Померанцевым, человеком очень образованным, страстно любившим искусство, имело особое значение для развития художественных способностей будущего ученого-гуманиста: «Они остались друзьями на всю жизнь. Их идейное родство позднее нашло выражение в совместной работе над картинами. Они сообща писали полотна из жизни казахов, совершали вместе поездки в ближайшие аулы» [Там же: 9].

Это, по-видимому, объясняет то, что некоторые карандашные рисунки и акварели Ч.Ч. Валиханова совпадают с акварелями А. Померанцева даже в деталях. Хотя в них имеется существенное различие — датировка создания рисунков. Свой альбом художник подписал: «Рисовал с натуры А. Померанцев 1851 год». Аналогичные работы Ч.Ч. Валиханова в его собраниях сочинений (изданы в 1904, 1961–1972 и 1981–1985 гг.) датированы 1856 г.

Действительно, выдающемуся казахскому ученому принадлежат карандашные и акварельные портреты названных персоналий, Байназара Турумтаева, Сартая и Мамыр-хана Рустемова. Любопытно, что на рисунках А. Померанцева и Ч.Ч. Валиханова идентичными оказались позы, ракурсы моделей, костюмы, выражения лиц. Немного отличались пояснительные надписи к рисункам авторов, незначительные детали и размеры изображений. В собрании сочинений Ч.Ч. Валиханова 1961–1972 гг. при публикации портретов названных персоналий отсутствует указание места, где они хранятся. Три карандашных рисунка Ч.Ч. Валиханова находятся в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН. Поэтому на данном этапе исследования нет возможности сравнить цветовое отличие между опубликованными в черно-белом варианте рисунками Ч. Валиханова, среди которых есть один акварельный, и яркими акварелями А. Померанцева.

На акварели из альбома А. Померанцева изображен «Большой орды Султан Мамыр-хан Рустемов». В собраниях сочинений Ч.Ч. Валиханова опубликованы два его портрета — акварель и рисунок. К сожалению, изображения Ч.Ч. Валиханова опубликованы в черно-белом цвете, в том числе и акварели. В архиве

хранится портрет Рустемова, выполненный карандашом на листе размером 23,5×31,5 см [А РАН (СПб). Ф. 23. Оп. 1. № 13. Л. 48]. В отличие от акварели А. Померанцева, на изображении Ч.Ч. Валиханова халат модели показан с более мелким рисунком ткани и в качестве фона добавлена веточка растения.

Ил. 2. А. Померанцев. Большой орды Султан Мамыр-хан Рустемов. Акварель, 1851 г. Казахи [МАЭ. Колл. И-1415-9]

Ил. 3. Ч. Валиханов. Султан Старшего жуза Мамырхан Рустемов. Акварель [Валиханов 1961б, I: 111]

Ил. 4. Ч. Валиханов. Султан Большой орды Мамырхан Рустемов. Карандаш, 1856 г. [Валиханов 1972, V: 109]

На рисунке А. Померанцева «Большой орды Султан Мамырхан Рустемов» представлена парадная мужская одежда. Халат красного цвета сшит из дорогой материи и украшен вышивкой. Покрой халата, как видно на рисунке, старинный, широкий, длинные рукава собраны в сборку и сужены к кистям рук. Кожаный пояс инкрустирован серебряными пластинками. Тюбетейка, сплошь покрытая вышивкой, старинной формы с конической верхушкой. Такая форма мужской шапочки была наиболее распространена в XIX в. Карандашный портрет этого же человека работы Ч.Ч. Валиханова подписан выцветшими чернилами практически так же, как назвал свой рисунок А. Померанцев, — «Султан Большой орды Мамырхан Рустемов» [Архив РАН (СПб). Ф. 23. Оп. 1. № 13. Л. 48].

Комментарии к опубликованным портретам султана работы Ч.Ч. Валиханова, данные в советские годы А.Х. Маргуланом, можно в полной мере отнести и к акварелям А. Померанцева, поскольку оба автора, по всей видимости, работали одновременно: «Наряду с зарисовками трудящихся казахов Валиханов давал карикатурные изображения казахских богатеев, воротил, интриганов <...>. С большим искусством Валиханов изобразил султана Большого жуза Мамырхана Рустемова. Четко переданы сухое лицо султана, его тупые холодные глаза, надменность и высокомерие, застывшая поза. Скупым, но очень выразительным штрихом Валиханов нарисовал портрет и третьего султана, оттенив его острые глаза, красивый нос, кудрявые бакенбарды и усы» [Маргулан 1972: 26]. Эта цитата обращает на себя внимание тем, что из многочисленных дошедших до нас рисунков Ч.Ч. Валиханова именно рассматриваемые портреты привлекли внимание академика А.Х. Маргулана своим мастерством.

Один из акварельных портретов А. Померанцев назвал «Дикокаменной орды Бий Сартай (посольс. 1849 г.)». В собрании сочинений Ч.Ч. Валиханова опубликована акварель в черно-белом воспроизведении «Бий Сартай из киргизского рода сарыбагыш». В Санкт-Петербургском отделении Архива РАН хранится карандашный рисунок Ч.Ч. Валиханова. Сначала он был подписан чернилами «Бий Дикокаменной орды Сартай», потом эта надпись была зачеркнута и сверху карандашом сделана другая — «Сартай из поколения Сарыбагыш» [А РАН (СПб). Ф. 23. Оп. 1. № 13. Л. 82].

Рисунок Ч.Ч. Валиханова отличается от работы его учителя: художник добавил в руки бия нож с ножнами и прорисовал более отчетливо покрой верхней одежды, распахнутые полы халата и отогнутый край воротника. Сартай одет в старинный теплый халат, широкий с длинными и широкими рукавами, с шалевым воротником, который обычно надевали на другую верхнюю

Ил. 5. А. Померанцев. Дико-каменной орды Бий Сартай (посолье. 1849 году). Акварель, 1851 г. Киргизы [МАЭ. Колл. И-1415-8]

Ил. 6. Ч. Валиханов. Бий Сартай из киргизского рода сарыбагыш. Акварель, 1856 г. [Валиханов 1961б, I: 334]

одежду. На рисунке Ч.Ч. Валиханова одна сторона воротника поднята, как это делали по время холодной или ветреной погоды, причем на изображении Ч.Ч. Валиханова заметно, что изнутри воротник подбит мехом. Возможно, что это не просто теплый халат, а покрытая тканью меховая шуба, которую носили обеспеченные люди.

Две акварели Ч.Ч. Валиханова — портрет манапа Бурумбая и «Сартай из поколения сарыбагим», литографированные А. Мюнстером, — были опубликованы в «Очерках Джунгарии» в 1861 г. [Валиханов 1861]. Ч.Ч. Валиханов в этой работе отмечал, что изображение манапа Бурумбая было выполнено им в 1856 г., во время первого посещения Джунгарии, а другое — акварель «Сартай из поколения сарыбагим» — в Омске в 1848 г. [Там же: 197]. Из подписи рисунка А. Померанцева следует, что бий Сартай входил в состав посольской делегации 1849 г., т.е. его акварельный портрет был нарисован позже. Таким образом, обнаруживается разночтение в датировке этих портретов, которые, очевидно, были созданы Ч.Ч. Валихановым и А. Померанцевым одновременно.

Ч.Ч. Валиханов при описании маршрута своей знаменитой поездки в 1858–1859 гг. в Кашгар упоминал, что, когда он находился среди *сарыбагыш*, которые торговали с жителями

кашгарских деревень, его узнал кто-то, «видевший меня в Верном» [Валиханов 1962: 261]. Это еще раз подтверждает, что в годы своей учебы Ч.Ч. Валиханов вместе со своим учителем А. Померанцевым мог посещать аулы, где они рисовали с натуры.

Бий Сартай, по сведениям Ч.Ч. Валиханова, принадлежал к роду *бешкорук-кыргыз* отделения *толкан-чонбагыш* одного из главных родов *солты*, отдела или крыла *он кыргыз* (правой руки) по родоподделению киргизских племен. Ч.Ч. Валиханов писал, что киргизы *солты* имеют кочевья на реке Чу, как и большая часть племен правой руки во владениях Кокандского ханства, признают власть хана и «платят ему зякет и отправляют военную службу» [Валиханов 1961а: 550]. Сарыбагыши совершали набеги на киргизов племени *бугу*. Манапы бугинцев постоянно обращались с просьбой к командиру отдельного Сибирского корпуса об оказании им помощи против сарыбагинцев. По просьбе бугинцев для защиты от них русская администрация в 1857 г. назначала отряды казаков.

Во время очень опасной военно-научной Кашгарской экспедиции, отправленной под видом мусульманского торгового каравана, в которой будущий ученый Ч.Ч. Валиханов участвовал инкогнито, он и его спутники могли подвергнуться нападениям и грабегам сарыбагышей. Поэтому при переездах необходимо было запастись рекомендательными письмами. «Проходя через киргизские аулы, караван непременно должен прибегнуть к покровительству одного из сильных вождей, иначе в каждом ауле его будут останавливать, требовать подарков и настаивать на праве гостеприимства», — писал Ч.Ч. Валиханов [Валиханов 1962: 260]. Путешественников беспрепятственно задерживали, не хотели пропускать, притесняли, угрожали отобрать имущество. Некоторые манапы оказывали каравану большое содействие, спасали караван от ограбления при нападении сарыбагышей.

В альбоме из фондов МАЭ содержится акварель А. Померанцева «Дико-каменной орды Манап Байназар Турумтаев». Тот же киргизский родоначальник изображен на карандашном рисунке Ч.Ч. Валиханова, который назван при публикации «Портрет казаха» [Валиханов 1972, V: 108]. Сам карандашный рисунок Ч.Ч. Валиханова, выполненный на листе размером 23,5×31,5 см, хранится архиве, но без подписи [Архив РАН (СПб). Ф. 23. Оп. 1. № 13. Л. 47]. У этих изображений есть отличия: на рисунке Ч.Ч. Валиханова немного изменен фон, добавлен пейзаж. При сравнении благодаря очевидному сходству портретов удалось уточнить имя изображенного на рисунке Ч.Ч. Валиханова — манапа Байназара Турумтаева. Манап

Ил. 7. А. Померанцев. Дико-каменной орды Манап Байназар Турумтаев. Акварель, 1851 г. Киргизы [МАЭ. Колл. И-1415-6]

Ил. 8. Ч. Валиханов. Портрет казаха. Карандаш, 1856 г. [Валиханов 1972, V: 108]

показан в широком, легком с длинными рукавами халате, сшитом из однотонной материи, край полы и ворот отделаны двумя полосками тесьмы белого цвета. На портрете видно, что под халат надеты другая одежда и нательная рубаша с отложным воротником, которую шили обычно из белой бязи или маты. На голове киргиза популярная в прошлом тюрбетейка конической формы.

На принадлежащих А. Померанцеву и Ч.Ч. Валиханову портретах султана Рустемова, бия Сартая и манапа Турумтаева позы, одежда и ракурсы очевидно идентичны. Если бы учитель и ученик рисовали одновременно, они не могли изобразить свою модель с одной точки зрения и их работы должны были отличаться ракурсом. Поэтому естественно предположить, что Ч.Ч. Валиханов копировал или воспроизводил в карандаше акварели своего учителя, чем и объясняется различие в датировках их работ. Копирование рисунков мастеров было обязательной составляющей обучения изобразительному искусству. Ч.Ч. Валиханов с этим талантливо справился, как можно заключить, сравнив его рисунки с акварелями А. Померанцева.

Кроме акварелей, воспроизведенных Ч.Ч. Валихановым, в альбоме А. Померанцева, хранящийся в МАЭ, входят другие работы. Среди них — портрет «Женщина, Чеке, из аулов близ г. Омска». Казашка восседает на кованом сундуке в старин-

Ил. 9. А. Померанцев. Женщина, Чеке, из аулов близ г. Омска. Акварель, 1851 г.
Казахи [МАЭ. Колл. И-1415-7]

ном головном уборе саукеле и свадебном костюме. Ее наряд состоит из красного, по всей видимости, отделанного вышивкой (особенно на рукавах), шелкового распашного халата, который надет на платье свободного покроя (спереди виден подол белого цвета). По рисунку заметно, что рукава халата длинные и сужаются книзу. На голове невесты конусообразное саукеле, высокая шапка из темно-красного бархата на войлочном каркасе. Акварель А. Померанцева с фотографической точностью передает нашивки, серебряные бляхи, сердолик, бирюзу, нити коралловых бус, подвески, украшавшие лицевую часть, шелковые кисти, доходившие почти до пояса, мех, которым оторочен убор. На рисунке к макушке саукеле прикреплена большая накидка белого цвета *желек* с бахромой и вышитым растительным рисунком. Два ее свободных конца завязаны узлом на груди невесты, чтобы можно было завернуться в нее. А. Померанцев на рисунке 1851 г. зафиксировал эту старинную форму большого свадебного покрывала, на смену которому во второй половине XIX в. пришли шали фабричного производства. В старину *желек* шили из шелка

либо кисеи именно белого цвета, украшали вышивкой, как изображено на рисунке А. Померанцева [Захарова, Ходжаева 1989: 216]. Саукеле казахские невесты надевали во время свадебного обряда и носили в течение года по праздникам и при гостях. На казашке надето нагрудное украшение со вставками из сердолика, которое являлось обязательной принадлежностью праздничного костюма девушки или молодой женщины.

В дальнейшем, возможно, под влиянием Ч.Ч. Валиханова, А. Померанцев увлекся казахской этнографией, стал изучать народное жилище и опубликовал на эту тему статью [Померанцев 1871]. Серия корреспонденций художника для нескольких номеров газеты «Семипалатинские областные ведомости» представляет собой заметки, написанные им через значительные промежутки времени.

Первая статья относится к периоду его поездки по казахским аулам до Зайсанского пограничного поста, расположенного в Семипалатинской области, в январе 1869 г. А. Померанцеву часто удавалось в моменты остановок о многом поговорить с кочевниками. Он отмечал, что у него сложились грустные впечатления об их образе жизни, особенно в зимнее время. Художник наблюдал бытовые трудности, неустроенность и, как результат этого, распространение среди населения различных заболеваний. В публикации он размышляет о возможности улучшения жизни казахов, создании системы оказания помощи, строительстве для них традиционных зимних видов жилищ. В связи с этим любопытны его описания юрт, землянок, построек из камня, а также деревянных домов, которые были доступны лишь состоятельным казахам.

Публикации А. Померанцева выходили с большими перерывами. В статье, написанной после его зимней поездки 1869 г., весной следующего года, он рассуждал о возможностях развития земледелия среди казахского населения и решения продовольственных проблем. Художник даже завел пашню, чтобы опытным путем проверить степень плодородия местной почвы: ее вспахали, засадили огородными культурами, и он сам ухаживал за растениями, следил за полезными и вредными для посадок насекомыми. Результатом полеводческих работ стал хороший урожай, который вдохновил А. Померанцева на дальнейшие раздумья о внедрении земледелия среди кочевников. По всей видимости, по замыслу царской администрации эти земли предназначались для переселенцев, а желающих переехать было много из-за предоставляемых льгот и привилегий. Размышляя о судьбе этих районов, где он прожил несколько лет, художник не оставался безразличным: «Не дурно было

бы при заселении здешнего места, которому впоследствии, быть может, суждено будет играть важную роль между пограничными с Китаем селениями не без разбора принимать переселенцев» [Померанцев 1871, № 21: 83].

А. Померанцев называл себя одним из первых зайсанских жителей, отмечая, что проживает здесь уже третью весну. Из его косвенных замечаний следует, что он был одним из военнослужащих Сибирского линейного батальона Зайсанского приставства. По всей видимости, А. Померанцев, как позже и Ч.Ч. Валиханов, был участником экспедиций не только по казахским степям, но и в пограничные с Северным Китаем районы, в так называемый Восточный Туркестан, Монголию, которая на исторических картах значится одной из составных частей Китайской империи. Как писал Ч.Ч. Валиханов, «в настоящее время в Джунгарии обитают два народа: буруты или настоящие киргизы и киргиз-кайсаки Большой орды» [Валиханов 1861: 196]. Возможно, поэтому в свой альбом художественных впечатлений об экспедиции в пограничные с Северным Китаем области А. Померанцев в качестве иллюстраций поместил портреты казахов и киргизов, выполненные им одновременно с Ч.Ч. Валихановым.

На одной акварели А. Померанцева запечатлен пейзаж около укрепления Тойчубек, на другой — город Маймачин. Словом «маймачин» («маймачен»), «торговое место», называли торго-

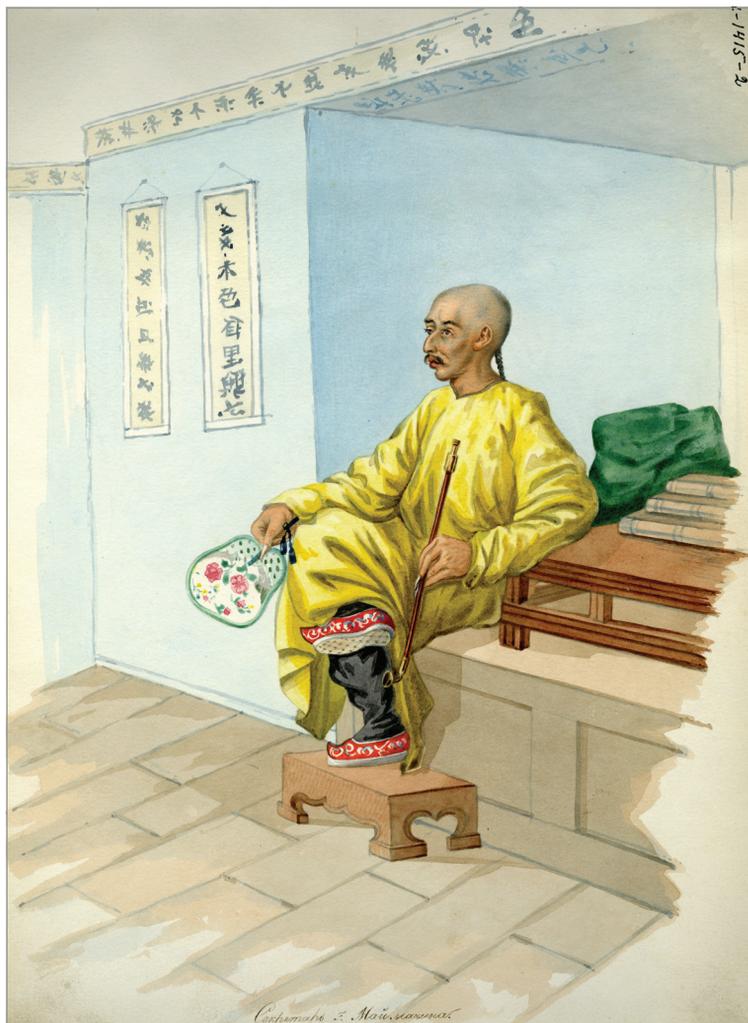
Ил. 10. А. Померанцев. Ук. Тойчубека. Акварель, 1851 г.
[МАЭ. Колл. И-1415-1]

вые предместья городов, отгороженные деревянной стеной, где проживали купцы. Около русско-китайской границы, напротив русского центра приграничной торговли Кяхты, на берегу реки находилась китайская торговая слобода Маймачен.

Ил. 11. А. Померанцев. Маймачин. Акварель, 1851 г.
[МАЭ. И-1415-3]

На рисунке А. Померанцева «Секретарь г. Маймачина» изображен местный китайский чиновник. Привлекает внимание прическа китайца — наполовину бритая голова с оставленным сзади пучком волос, заплетенным в косу. Художник стремился максимально передать мельчайшие детали внешности и одежды чиновника, в том числе подчеркнута длинные ногти на руках.

Ил. 12. А. Померанцев. Секретарь г. Маймачина. Акварель, 1851 г.
[МАЭ. Колл. И-1415-2]

Китайцы составляли главную массу населения в северных районах Китая, пограничных с Забайкальской, Амурской и Приморской областями России. Среди них было много ссыльных, которых часто брали работать в низшую администрацию. В приграничных районах русская сторона обычно торговлю не вела, она находилась в руках китайских купцов, среди которых было много пришлых. На рисунках А. Померанцева изображены купцы из Маймачина.

В «Очерках Джунгарии» Ч.Ч. Валиханов подчеркивал, что он получил возможность наблюдать жизнь страны и собирать необходимые сведения благодаря дружеским связям с местным населением и знакомству с чиновниками [Валиханов

Ил. 13. А. Померанцев. Купец из Маймачина. Акварель, 1851 г. [МАЭ. Колл. И-1415-5]

Ил. 14. А. Померанцев. Купец из Маймачина. Акварель, 1851 г. [МАЭ. Колл. И-1415-4]

1861: 197]. По-видимому, это было справедливо и для создания альбома акварелей А. Померанцева. Очевидно, позировавшие художнику люди были дружественно настроены по отношению к нему.

Если рассматривать иллюстративный фонд МАЭ по народам Средней Азии и Казахстану не по времени поступления материалов в музей, а по годам создания, то одним из наиболее ранних коллекционных материалов музея по казахам и киргизам оказывается именно альбом А. Померанцева 1851 г. Акварели художника можно считать одним из первых визуальных источников по истории одежды: на них детально отображены народные костюмы середины XIX в. А. Померанцев одним из первых профессиональных художников увлекся изучением казахского и киргизского национальных костюмов и немало сделал для развития отечественного изобразительного искусства.

Возможно, датировка рисунков А. Померанцева позволит уточнить время создания некоторых акварелей и рисунков Ч.Ч. Валиханова. Альбом Померанцева дает возможность познакомиться с подлинниками, которые Ч.Ч. Валиханов отобрал для копирования и использовал в качестве иллюстраций к своим исследованиям. Также удалось установить личность человека, изображенного на карандашном рисунке Ч.Ч. Валиханова «Портрет казаха», — киргизского манапа Бай-

назара Турумтаева — и уточнить биографические сведения о художнике, авторе одной из наиболее ранних иллюстративных коллекций МАЭ А. Померанцеве.

Список сокращений

А РАН (СПб) — Архив Российской академии наук, Санкт-Петербург
ИРГО — Императорское Русское географическое общество

Архивные материалы

А РАН (СПб). Ф. 23. Валиханов Чокан Чингизович. Оп. 1. № 13. Портреты и типы киргиз. [Собственные рисунки: наброски юрт, планов и т.п.]. Б.д. 96 л.
МАЭ РАН. Колл. И-1415. Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН. Академкнига, 1851 г.

Библиография

- Валиханов Ч.Ч.* Записка о судебной реформе // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961а. Т. 1. С. 494–523.
- Валиханов Ч.Ч.* Описание пути в Кашгар и обратно в Алатавский округ // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. Т. 2. С. 224–264.
- Валиханов Ч.Ч.* Очерки Джунгарии // Записки ИРГО. 1861. Кн. 1. С. 184–200.
- Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961б. Т. 1; 1972. Т. 5.
- Захарова И.В., Ходжаева Р.Д.* Головные уборы казахов: опыт локальной классификации // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 204–227.
- Маргулан А.* Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. Т. 1. С. 9–103.
- Маргулан А.* Предисловие // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1972. Т. 5. С. 7–28.
- Померанцев А.* Из Зайсанского пограничного поста // Семипалатинские областные ведомости. 1871. 18 марта. № 11. С. 13–14; 29 апр. № 17. С. 67–68; 20 мая. № 20. С. 80; 27 мая. № 21. С. 83–84; 3 июня. № 22. С. 86.
- Потанин Г.Н.* Биографические сведения о Чокане Валиханове // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1968а. Т. 4. С. 303–327.
- Потанин Г.* Омский кружок [и новые веяния] // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1968б. Т. 4. С. 649–652.
- Потанин Г.Н.* Чокан Чингизович Валиханов // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1968в. Т. 4. С. 567–573.